

Нина Бронская

после

РАЗВОДА

ГЕНЕРАЛ

в твоей палате

Инна Вронская

После Развода.

Генерал в моей палате

<https://litres.ru/74186943>

SelfPub; 2026

Аннотация

Я тихо открываю дверь ключом, собираясь крикнуть: «Сюрприз! Мой рейс задержали». Но слова застревают в горле.

В прихожей, рядом с его аккуратными туфлями, стоят другие. Высокие, на шпильке, черные лаковые. Чужие. А рядом с моими тапочками, которые я оставила здесь утром, валяется маленькая белая пластиковая палочка. На ней — две яркие красные полоски.

Муж и молоденькая мед сестра из соседнего отделения в нашей супружеской кровати.

— Ну что, можешь роды у моей любимой? — Саша обнимает за талию вздрагивающую блондинку — Только твоим рукам я могу доверить рождение своего сына. Это же будет так символично. Та, которую я не люблю, даст жизнь моему любимому наследнику!

Я не стала этого терпеть и подала на развод. Но, мой муж, заведующий отделением, не хотел скандального расставания и предложил сделку:

- Смотри, ты сейчас делаешь так чтобы этот народный герой, генерал, не выжил под твоим скальпелем, а я даю тебе развод. У меня с ним счета. Согласна?

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Конец ознакомительного фрагмента.	15

После Развода.

Генерал в моей палате

Глава 1

Мои руки пахнут луком, морковью и свеклой. Только что закончилась двенадцатичасовая смена, три сложных реплантации, а я стою у плиты. Мясной бульон шипит, пар запотевает окно, за которым кружится предновогодний снег. Борщ. Его любимый. Густой, наваристый, как у его бабки, как он любит повторять.

Я уже не помню, когда готовила его просто так, для радости. Теперь — только по графику. Чтобы было. Чтобы не упрекнул. Чтобы в холодильнике стояли аккуратные контейнеры с его любимым салатом и котлетами на всю неделю моей командировки. Чтобы его рубашки, которые я гладила до полуночи, висели в шкафу, рассортированные по дням. Понедельник — голубая. Вторник — белая с синей полоской. Как по расписанию операций.

Я, хирург, который может собрать раздробленную кость в единое целое. И я — жена, которая должна собрать в кучу его носки и свое достоинство, рассыпавшееся где-то между операционной и этой кухней.

Ключ поворачивается в замке. Это он.

— Я дома, — раздаётся его голос из прихожей. Не «привет», не «как день?». Констатация факта. Я дома. Ты тут? Отлично.

Он проходит на кухню, не снимая пальто. Бросает оценивающий взгляд на кастрюли, на ряды контейнеров, на меня в застиранном домашнем халате.

— Борщ сняла вовремя? Иначе сметана свернется.

— Сняла, — отвечаю я, и мой голос звучит глухо, будто из того самого бульона.

— И запеканку тоже приготовила? В прошлый раз без нее было.

— Приготовила. Все, как ты любишь.

Он подходит к холодильнику, открывает его. Его взгляд — как луч хирургической лампы, холодный и беспощадный. Он проверяет. Не наличие еды. Он проверяет меня. Исполнение инструкции. Я — его младший ординатор в собственном доме.

— Рубашки поглажены? На завтра голубая?

— Да, Александр. Развешала.

— Хорошо.

Он поворачивается ко мне. Его лицо красиво, холодно и совершенно бесстрастно. Таким оно стало два года назад, когда он сел в кресло заведующего, а я осталась «рядовым перспективным хирургом». Как будто вместе с должностью он получил новое лицо. Маску из льда и высокомерия. И где-то под ней, наверное, еще живет тот Саша, который смеял-

ся на нашей свадьбе и держал мою руку в родильном зале, когда я теряла нашего нерожденного сына... Но до него уже не докричаться.

Он наклоняется. Чувствую легкое прикосновение губ к щеке. Сухое, быстрое. Как печать на документе. Контракт подписан. Жена выполнила обязанности. Муж удовлетворен.

— Такси заказано? Не опоздай. Конференция важная.

— Не опоздаю.

Он уходит в кабинет, не оглядываясь. А я накладываю последнюю ложку борща в контейнер. И эта ложка почему-то тяжелее всех. В горле стоит ком. От пара, от обиды, от этой невысказанной, проглоченной тысячи раз боли. В браке он даже не дал мне свою фамилию, я так и осталась Калининой, а он Королев.

— Держись, Аня, — шепчу я себе, закручивая крышку.
— Ты же сильная. Ты спасаешь людей. Ты выдержишь и это.

Но в голосе, звучащем у меня в голове, нет уверенности. Только усталость.

В аэропорту — хаос и голос диктора, который звучит, как приговор.

— ...рейс в Санкт-Петербург отменен в связи с неблагоприятными метеоусловиями. Следующий вылет — через двадцать четыре часа.

Я стою с чемоданом посреди шумящей толпы, и сначала

меня накрывает волна раздражения. Потом — пустая усталость. И только потом, когда я уже еду в такси обратно, в холодную, продуваемую всеми ветрами высотку, где мы живем, приходит другая мысль.

А что, если это не просто задержка? Что если это знак? Судьба дарит нам целые сутки. Неожиданные, вырванные у графиков и конференций. Может, он тоже расстроился, когда узнал? Может, он уже накрывает на стол, достает то вино, что мы берегли... Глупость. Он, наверное, даже не проверял статус моего рейса.

Но надежда — страшная сила. Она начинает греть изнутри, сильнее любой метели. Я представляю его удивление. Его улыбку. Настоящую. Может, мы поговорим? Как раньше? Может, он снимет эту маску...

— Остановите здесь, у цветочного павильона, пожалуйста!

Я выхожу на ледяной ветер и покупаю огромный, нелепый букет алых гербер. Они похожи на маленькие солнца. Как вспышка. Как попытка осветить нашу темную квартиру, наш тихий, вымерший брак. Цветы ДЛЯ СЕБЯ.

Сердце бьется чаще, когда я поднимаюсь на лифте. Вот оно. Неожиданность. Романтика. Мой дурацкий, последний порыв.

Я тихо открываю дверь ключом, собираясь крикнуть: «Сюрприз!». Но слова застревают в горле.

В прихожей, рядом с его аккуратными туфлями, стоят

другие. Высокие, на шпильке, черные лаковые. Чужие.

Из гостиной доносится смех. Женский. Звонкий, молодой. И его смех в ответ. Такого смеха я не слышала от него годами.

Знак был. Но он был не для нас. Он был для меня.

Глава 2

Я стою на пороге своей спальни. Моей. Нашей. Букет гербер падает на пол с глухим, безжизненным шумом. Я не слышу этого. Я не слышу ничего, кроме бешеного стука крови в висках. Это ритм агонии.

Они не заметили меня сразу. Александр сидит на краю нашей кровати, спиной ко мне. Его рука лежит на обнаженной спине той... девушки. На молодой, упругой коже, которую не портили годы бессонных дежурств. Ее светлые волосы растрепаны. Она смеется, запрокинув голову, и я вижу ее профиль. Людмила. Медсестра из соседнего отделения. Двадцать пять лет. Если ей есть двадцать пять.

А потом мой взгляд падает на пол. Рядом с моими тапочками, которые я оставила здесь утром, валяется маленькая белая пластиковая палочка. На ней — два ярких, наглых, кричащих красных полосы.

Положительный тест на беременность.

Мир не просто рушится. Он взрывается изнутри, превращаясь в миллионы острых осколков. Каждый осколок — это наша общая память. Первое свидание. Свадьба. Мечты. Наш нерожденный сын, которого мы потеряли пять лет назад и после которого он перестал ко мне прикасаться. Каждый осколок впивается в самое нутро, причиняя невыносимую, физическую боль.

Я делаю шаг. Паркет скрипит под ногой. Идиотский звук. Они оборачиваются.

На лице Людмилы мгновенно расцветает паника. Она вскрикивает, хватается за простыню, чтобы прикрыться. Красивая фигура, большая грудь, которая была мечтой моего мужа.

В ее глазах — страх, но где-то в глубине, кажется, и торжество.

Александр... Он не вздрагивает. Не отпрядывает. Он медленно, очень медленно поворачивает ко мне голову. И на его лице нет ни ужаса, ни даже смущения. Только холодное, изучающее любопытство. Как будто я — интересный клинический случай. Пациент, который внезапно пришел в себя на операционном столе не вовремя.

— Аня, — произносит он мое имя ровным, деловым тоном. — Рейс отменили, значит?

Он не спрашивает. Он констатирует. Его спокойствие — это хлыст, который бьет сильнее любой истерики.

Я не могу вымолвить ни слова. Воздух вырвался из легких, и новый не поступает. Я просто смотрю на него, и кажется, вижу этого человека впервые. Незнакомца с ледяными глазами.

— Что... — мой голос — осколки разбитого хрусталя. — Что это?

Я указываю взглядом на тест. Мой палец дрожит.

Александр следует за моим взглядом. Он смотрит на тест,

потом на Людмилу, и на его губах появляется что-то вроде улыбки. Не теплой. Самоуверенной, властной.

— Кажется, это очевидно, — говорит он, небрежно поглаживая плечо Людмилы. Та прижимается к нему, ища защиты, но смотрит на меня исподлобья. — Люда беременна. Мальчик. Ходили на первый скрининг

Каждое его слово — точно удар скальпелем по живому, незамороженному нерву.

— Ты...? — повторяю я, и мой разум отказывается складывать эти слова в осмысленную картину. Он сопровождал, интересовался. Значит, это не спонтанная измена. Это... проект. Это уже история.

— Ну конечно, — он пожимает плечами, как будто говорит о новой поставке бинтов. — Нужно быть уверенным. Тем более, у нас с тобой не получилось, — его взгляд на секунду становится жестче, обвиняющим. Как будто в нашей трагедии виновата я одна. — А наследника я хочу. Нужно продолжать род.

— Род? — вырывается у меня хриплый, почти животный звук. — Ты говоришь о продолжение рода, когда... когда ты... в нашей спальне?! С другой женщиной?!

Наконец, во мне что-то ломается. Ледяной шок сменяется ослепляющей яростью. Такая ярость, которая стирает всё: воспитание, усталость, боль.

— Вставай! — кричу я, и мой голос гремит, незнакомый мне самому. — Сию же минуту вставай и убирайся отсюда!

Оба! Вон!

Людмила взвизгивает. Александр же просто поднимает бровь. Он не двигается с места.

— Успокойся, Анна. Ты же врач. Ты понимаешь, что истерика не поможет. Мы можем обсудить всё цивилизованно.

— Цивилизованно? — я задыхаюсь от хохота, в котором нет ни капли веселья. — Ты лежишь голый в моей постели с этой... с этой шлюхой, а у тебя на полу твой будущий «наследник» валяется, и ты говоришь о цивилизованности?! Вон! ВОН ИЗ МОЕГО ДОМА!

Я делаю шаг вперед, не зная, что буду делать. Схватить вазу? Растерзать их голыми руками? Вырвать все ее блондинистые волосы?

Александр наконец-то медленно, с преувеличенной неспешностью поднимается. Он не спешит прикрыться. Он стоит передо мной, демонстрируя свое превосходство, свою наглую уверенность. Людмила, кутаясь в простыню, жметя за его спиной.

— Твой дом? — он произносит мягко, ядовито. — Милая, ты забываешься. Это наш общий дом. Купленный на мои деньги. Вернее, на деньги, которые я зарабатываю как заведующий. А ты... ты что зарабатываешь? Рядовой хирург в моем отделении? Твоя зарплата — это на продукты, не больше.

Его слова обжигают, как кислота. Потому что в них есть доля правды. Унизительной, горькой правды, которую я сама

себе годами не позволяла думать.

— И потом, — он продолжает, его голос становится сладким, ехидным, невыносимым. — Зачем такой тон? Мы же все взрослые люди. Более того, мы коллеги. Я вот о чем подумал... Ты же лучший хирург-травматолог в городе, хоть и зарыла свой талант. Руки у тебя золотые. Хотела сначала на акушера идти в ординатуру...

Он делает паузу, давая своим словам просочиться в меня, как яду.

— Ну что, может, примешь роды у моей любимой? — он обнимает за талию вздрагивающую Людмилу. — Только твоим рукам я могу доверить рождение своего сына. Это же будет так... символично. Ты дашь жизнь тому, кого я действительно хочу.

В глазах темнеет. Земля уходит из-под ног. Эта фраза — последний, убийственный удар. Он доверяет моим рукам вытащить на свет плод его измены. Потому что я — лучшая. Потому что я — услужливая. Потому что я для него больше никто.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.